

Глава 21

Глядя на плоды своих трудов, соплеменники не могли скрыть восторга. Пусть раньше им не доводилось пользоваться углем, одного звонкого стука и плотной, почти каменной текстуры было достаточно, чтобы понять: перед ними вещь исключительная.

Цин Ко обернулся к вождю и доктору:

— Как будем делить добычу?

— На твоё усмотрение, — отозвался Цзянь Мо. — Я во всём полагаюсь на решение У Цзюна.

Вождь обвёл взглядом собравшихся и распорядился:

— Треть оставим в общих запасах племени на случай нужды. Остальное распределим между всеми, кто приложил руку к делу, — по совести и по труду.

Спорить никто не стал: уговор был честным. Под началом Цин Ко люди принялись споро разбирать черные слитки. Для многих это было в диковинку, и каждый норовил повертеть в руках новое топливо, пробуя его на вес.

Помогая с раздачей, Цзянь Мо не уставал повторять каждому:

— Помните, уголь нельзя жечь в наглухо закрытом месте. Обязательно оставляйте щель для воздуха, иначе можно отравиться невидимым ядом.

Зверолюды и полужверолюды понимающе кивали:

— Всё как с дровами: закроешь заслонку раньше срока — голова разболится.

— Да не переживай ты так, — добродушно вставил Чжоу Фу. — У нас в поселении ни один дом не заперт так плотно, чтобы и щелки для ветра не нашлось.

Вспомнив, как они только недавно старательно замазывали глиной каждую дыру в стенах, юноша лишь понимающе улыбнулся и промолчал.

Когда делёж закончился, У Цзюн перетащил их долю домой. Цзянь Мо, рассматривая аккуратную горку черных брусков, предложил:

— Может, испытаем его прямо сейчас?

— Хочешь отнести в загон к зверям? — поинтересовался У Цзюнь.

— Пока не стоит. Тот-зверям и обычных дров хватит, пока солнце светит. Давай лучше разожжём очаг здесь, в доме, и посмотрим, каков он в деле.

Вождь выудил из груды утвари старый щербатый таз из обожженной глины:

— Подойдёт?

Приняв таз, Цзянь Мо уложил на дно пригоршню сухой листвы, а сверху пристроил несколько угольков, предварительно разбив их на удобные куски. Стоило поднести трубку-кресало, как сухая трава вспыхнула, и уголь занялся на удивление быстро — куда охотнее, чем обычные поленья.

Оба замерли, не сводя глаз с жаровни. Уголь давал ровное, сильное тепло, не чадил и вёл себя на редкость смирно. Он не стрелял искрами и не трещал, в отличие от вечно буйных дров. Лекарь не раз обжигал шкуры летящими из костра искрами, и почти на каждой его одежде красовалась маленькая прожженная дырочка.

— Не зря старались, — признал У Цзюнь, протягивая ладони к жару.

— А я о чём? — отозвался юноша. — Уголь горит долго, думаю, этого запаса хватит до самого полудня.

Собеседник кивнул, обдумывая что-то своё:

— В ближайшие дни ходим в лес ещё раз. Наберём побольше сырой древесины, заготовим уголь впрок.

Цзянь Мо не возражал, лишь напомнил:

— Смотрите только, чтобы из-за угля другие дела не встали.

— Не встанут. Лес валить нам всё равно приходится.

— Одно дело дрова, и совсем другое — жечь уголь. Мороки с ним куда больше.

— Это только с непривычки, — отмахнулся У Цзюнь. — Сложнее всего печь сложить, а на это у умелого человека много времени не уйдёт.

Рассудив, что он прав, юноша добавил:

— Когда соберётесь в лес, позови меня.

После завтрака вождь во главе отряда охотников отправился на обход территории. По всему было видно, что вернуться они не раньше заката. На пороге Цзянь Мо окликнул его:

— Хочешь на ужин жареного мяса?

У Цзюна невольно взглянул на туши, подвешенные под навесом, и нахмурился — перспектива снова жевать жесткое мясо его явно не прельщала. Лекарь, едва сдерживая смех, поспешил уточнить:

— Не ту подошву, что застревает в зубах. Я хочу приготовить мясо по-новому — на шпажках.

Морщинка между бровями вождя разгладилась:

— Тогда хочу.

Когда тот ушёл, Цзянь Мо занялся домашними хлопотами. Первым делом он достал из запасов крахмал, приготовленный из волосатого корня, и принялся мариновать мясо, щедро сдобрив его пряностями. Мясо диких зверей обычно было суровым, и ему требовался целый день, чтобы напитаться соками и стать нежным. Как раз к вечеру дойдёт до нужной кондиции.

Провозившись весь день, к сумеркам Цзянь Мо проверил заготовки. Убедившись, что мясо размягчилось, он принялся нанизывать его на тонкие прутики, чередуя жирные кусочки с постными. Для себя он подготовил особые шпажки: перемежал мясо с ломтиками корня мудин и кислыми плодами, добавив к ним овощи и стебли — так блюдо выходило менее жирным и куда больше отвечало его вкусу.

Жарка на углях разительно отличалась от готовки на открытом огне. Юноша просто расставил шпажки вокруг жаровни, не опасаясь, что коварное пламя слизнёт мясо или обуглит края. Жар был ровным и послушным, и вскоре мясо покрылось аппетитной золотисто-коричневой корочкой.

Аромат жареного мяса быстро разнёсся по поселению, и вскоре к их дому потянулись маленькие гости. Ребятня замерла неподалёку, глядя на еду сияющими глазами, а у самых нетерпеливых уже начали наворачиваться слюнки. Цзянь Мо перевёл взгляд с детей на У Цзюна.

Вождь молча сделал приглашающий жест, подзывая малышку: он собирался делить мясо. Лекарь невольно улыбнулся, но, к его удивлению, дети не бросились к ним, а, наоборот, бросились враспылку.

— Это они кого испугались? — опешил юноша. — Тебя или меня?

— Меня они никогда не боялись, — спокойно ответил У Цзюн.

— Вот уж новость! Меня они тоже вроде не сторонились, — Цзянь Мо на секунду задумался. — По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Вождь уловил в его словах скрытый смысл:

— Думаешь, станут бояться?

— Я ведь лекарь, — пожал плечами юноша. — Рано или поздно это случается. Стоит пару раз провести болезненную процедуру, и они начнут обходить меня стороной.

У Цзюну вдруг стало любопытно:

— Но ты ведь хорошо лечишь. Какая процедура может быть настолько страшной?

Лекарь припомнил свои былые будни:

— Кастрация.

Собеседник недоуменно моргнул. Тогда Цзянь Мо пояснил проще, на языке, понятном каждому жителю этих мест:

— Это когда лишают мужской силы. Проще говоря — режут яйца.

У Цзюн ничего не ответил, лишь молча и очень аккуратно поправил свою позу, усаживаясь поудобнее.

Пока они болтали, дети вернулись. На этот раз они несли корзинки и узлы, а за ними семенили совсем крошечные малыши, ещё не умеющие принимать человеческий облик.

— Вождь! Старший брат Цзянь Мо! — задыхаясь от быстрого бега, воскликнул Цзян Син, возглавлявший процессию. — Мы принесли еду на обмен. Можно нам попробовать ваши мясные шпажки?

У Цзюн кивнул. Юноша с теплотой улыбнулся детям:

— Родители прислали?

— Да, — закивал Цзян Син. — Отец сказал, что сейчас еды у всех в обрез, и нельзя просто так

приходить и объедать вождя.

Лекарь принял нехитрые подношения и раздал детям шпажки. Совсем маленьким, пушистым зверькам, досталось по крошечному кусочку — лишь распробовать вкус. Ребятня устроилась у очага, счастливо чавкая и восторженно перекиваясь.

Мясо, запеченное на углях, вышло невероятным: сочным внутри, с хрустящей корочкой и без малейшего привкуса гари или дыма. Дети, не в силах молчать, тут же принялись болтать обо всём на свете. Узнав, что Цзянь Мо собирается использовать уголь для обжига посуды, Цзянь Син авторитетно заявил:

— Наша глина не очень. Вот у племени Дяньсинь глина — это да!

Юноша помнил людей из Дяньсинь по Охотничьему Турниру; то было племя искусных земледельцев.

— И откуда же ты это узнал? — усмехнулся он.

— Отец говорил. Он сказал, что их горшки красивые и крепкие, а наши вечно трескаются.

— Наши трескаются не из-за глины, — терпеливо пояснил Цзянь Мо. — Просто в стенках остаются пузырьки воздуха, или жар в печи распределяется неровно.

Малыши мало что поняли из его объяснений и продолжали настаивать на своём: в Дяньсинь глина лучше, и точка. Лекарь вопросительно взглянул на У Цзюна, но тот лишь пожал плечами, не спеша переубеждать ребятню. Юноше оставалось только пообещать, что при случае он обязательно заглянет в племя Дяньсинь за опытом.

Уголь и впрямь оказался находкой. Жаровня, оставленная на ночь в хлеву, исправно давала тепло до самого утра, избавляя хозяев от необходимости вскакивать в темноте. Благодаря этому все новорожденные тото-зверята выжили и окрепли.

Видя такой успех, У Цзюн в свободное время вводил звероловов в горы за твердой древесиной, и под руководством Цзянь Мо племя заготовило ещё несколько партий угля. С каждым разом они действовали всё увереннее: теперь воду для тушения почти не использовали, научившись вовремя перекрывать доступ воздуха глиной. Качество угля от этого только выиграло.

Однажды, глядя на очередную гору свежеспиленных стволов, лекарь с тревогой обратился к вождю:

— Слушай, может, стоит сажать новые деревья взамен срубленных? Боюсь, если так пойдёт и дальше, мы скоро все склоны вокруг поселения оголим.

— Весной старые пни дадут новые побеги, — успокоил его У Цзюн. Но, подумав, добавил: — Впрочем, можно и семена посадить. Через несколько лет будет удобнее рубить то, что выросло под рукой.

— Вот именно. Нужно думать наперёд, чтобы не оставить после себя пустыню.

Вождь, уловив суть его опасений, согласно кивнул.

Пока племя занималось углем, Цзянь Мо подготовил партию посуды, покрыв её слоем глазури. Зимний воздух был сухим, и заготовки просохли на удивление быстро. В назначенный день Цин Ко осмотрел изделия и прислал детей за лекарем: пришло время для большого обжига.

Этого момента ждали все. Однако Цзянь Мо, видя это, велел всем готовиться к завтрашнему дню. Сегодня было уже поздно — ему нужно было достроить простое приспособление, ручной вентилятор, закрепленный на земле.

Чжоу Фу и остальные искренне недоумевали:

— Зачем такие сложности? В прошлый раз и без всяких вентиляторов всё вышло неплохо.

— В прошлый раз мы жгли дрова, а теперь будет уголь, это совсем другое дело, — пояснил Цзянь Мо. — Мы столько сил вложили в подготовку, будет обидно всё испортить в последний момент. Чем лучше будет поддув, тем выше шансы на успех.

— Как делать этот твой вентилятор? — спросил Цин Ко. — Показывай, поможем.

Юноша не стал отказываться. Зная устройство, собрать такую вещь из дерева было не так уж сложно. За день они управились, соорудив сразу два устройства — основное и запасное.

На следующее утро к печи стащили запасы угля. В этот раз Цзянь Мо решил смешать его с дровами в пропорции девять к одному. В куполе оставили одно отверстие, а у основания — три: одно широкое, основное, и два поменьше.

Главное было не переборщить с отверстиями: лишний воздух мог не только раздуть пламя, но и выстудить печь. Когда огонь занялся, люди по очереди начали крутить ручки вентиляторов. Уголь, получая приток кислорода, взревел, и даже те, кто никогда не стоял у горна, почувствовали: жар внутри стоит небывалый.

Цин Ко, отирая пот со лба, признался:

— Если бы не ты, Цзянь Мо, мы бы и за три жизни не додумались, что дерево может давать такую силу.

— Ну, не преувеличивай, — скромно улыбнулся юноша. — Рано или поздно эта тайна всё равно бы открылась.

Наставник лишь молча похлопал его по плечу.

Опыта обжига на угле у них не было, поэтому решили придерживаться старого графика: от рассвета до самых сумерек. Когда огонь погас, Цзянь Мо заметил, что сырая глина, которой заделывали печь, спеклась и сама превратилась в камень. Это был добрый знак — температура внутри была запредельной.

Зимняя стужа помогла печи остыть быстрее, и на следующее утро её стенки были лишь слегка теплыми на ощупь. Соплеменники сгорали от нетерпения. Одноразовая печь тем и хороша, что для вскрытия её нужно просто разломать. Зверолюды справились с этим в два счета.

Когда глиняный панцирь рухнул, взорам предстала россыпь черепков, но среди обломков виднелись целые изделия. Покрытые глазурью сосуды мягко сияли в лучах утреннего солнца, и этот блеск был настолько непривычным, что люди невольно замерли.

— Невероятно... какая гладкая, — Чжоу Фу вытаращил и без того круглые глаза. — Неужели это обычная глина?

Он протянул руку, желая коснуться блестящего бока, но тут же отдернул пальцы: горшок был ещё обжигающе горячим. Его спутник, Цзю Инь, тут же перехватил его руку:

— Осторожнее!

— Жарко... — выдохнул Чжоу Фу, демонстрируя покрасневшую ладонь. — Куда горячее, чем после дров.

Цин Ко, придя в себя, обернулся к Цзянь Мо:

— Ты совершил чудо.

— Это не моя заслуга, — поспешил возразить тот. — Это знания, накопленные многими поколениями моих учителей.

— Всё равно спасибо, что поделился ими с нами, — Цин Ко приобнял его за плечи, и толпа вокруг одобрительно загудела.

Цзянь Мо стало неловко от всеобщей похвалы. Бань Мин, стоявший рядом, вставил свое веское слово:

— И вождю спасибо, что привел старшего брата Цзянь Мо в наше племя.

— И тебе спасибо, малый, что первым его встретил, — рассмеялся Дэ Цзян.

Бань Мин широко улыбнулся:

— Если племя хочет меня отблагодарить, я не против. Можно мне в награду один такой горшок? Или хотя бы осколок покрасивее?

Тот вовремя заметил тяжелый взгляд отца и поспешил поправиться. Цин Ко, шутливо отвесив сыну подзатыльник, спросил У Цзюна:

— Как будем распределять посуду?

К тому времени всё уже подсчитали: семьдесят семь горшков вышли идеальными, ещё сто двадцать три имели небольшие изъяны, но вполне годились в дело. В основном это была утварь среднего и малого размера.

Вождь уже всё решил:

— Тем, кто лепил, полагается по две вещи на выбор. Остальное забирает племя. Кто захочет обзавестись такой красотой, может выменять её у племени на еду или другие товары.

Не успел он закончить, как Бань Мин вскинул руку:

— Вождь, я первый в очереди! Сейчас же принесу лучшую шкуру для обмена!

Е Ло поддержал его:

— А мне нужно блюдо. Как только мастера закончат выбирать, я предложу свою цену.

Пример оказался заразительным, и вскоре выстроилась целая очередь желающих. У Цзюна распорядился строго: сначала мастера, потом — все остальные. Кто предложит больше припасов, тот выбирает первым из оставшегося.

Долю вождя тот уступил Цзянь Мо. Юноша выбрал четыре предмета: два глубоких кувшина, керамический горшок для варки и большую миску. Почти всё это он вылепил сам. Поверхность посуды была покрыта ровной красно-коричневой глазурью — именно так, как он и мечтал.

Принеся сокровища домой, лекарь первым делом вымыл кувшины и выставил их на просушку. Когда они высохли, он перелил в них вино из мучного фрукта. Напиток бродил долго, и теперь

от него исходил отчетливый, хоть и мягкий, винный аромат, в котором всё ещё угадывались нотки исходного плода. Доктор надеялся, что теперь, в герметичной посуде, вино дойдет до нужной крепости, и со временем он сможет получить настоящий спирт.

У Цзюн молча наблюдал за его хлопотами, пока взгляд его не остановился на горшке для варки.

— А этот странный горшок... для чего он?

— Скоро узнаешь, — загадочно пообещал Цзянь Мо. — Поможешь мне наловить крупной рыбы?

Река ещё не замерзла, так чторыбалка не сулила больших трудностей. Вождь на мгновение задумался и кивнул:

— Пойдем. Заодно и Цзюцзю побалуем.

— Отлично, я как раз хотел поджарить ему рыбки.

За время жизни в этом мире Цзянь Мо уже неплохо изучил местную фауну: он точно знал, у какой рыбы мясо нежнее, а костей меньше. Именно за такой добычей они и отправились. У Цзюн быстро наполнил ведро отборной рыбой.

Вернувшись, юноша отобрал самых крупных и жирных особей, а остальных выпотрошил, натер пряностями и отправил на раскаленный плоский камень. Когда рыбины стали золотистыми, а кости — хрустящими, он отнес их крылатому зверю.

Для себя же он оставил сочные рыбки брюшки. Нарезав их крупными кусками и слегка замариновав, Цзянь Мо принялся за готовку. В новом керамическом горшке он растопил изрядный кусок жира и обжарил в нём коренья мудин и специи. Едва пошел густой аромат, он выложил рыбу поверх кореньев, накрыл крышкой и пролил её по краю фруктовым вином.

От жара вино вспыхнуло призрачным синим пламенем. Лекарь, не обращая на это внимания, продолжал поддерживать под горшком ровный жар углей.

— Он не лопнет? — с сомнением спросил У Цзюн.

— Да брось, — отмахнулся юноша. — В печи было в разы жарче, и он выстоял. Сейчас ему точно ничего не грозит.

Когда винные пары испарились, из-под крышки вырвался такой аромат, что у обоих невольно защекотало в носу. Цзянь Мо глубоко вдохнул:

— Чувствуешь? Тот самый запах...

Выждав ещё немного, он осторожно сдвинул горшок с углей и поднял крышку. Вместе с облаком пара вырвался густой, дурманящий аромат свежеприготовленной рыбы. Вождь завороченно смотрел в горшок. Когда пар рассеялся, он увидел белоснежные, влажные куски мяса — казалось, они едва успели схватиться.

— Скорее, — поторопил его Цзянь Мо, протягивая палочки. — Пробуй, пока горячее.

У Цзюнь осторожно взял кусочек, подул на него и отправил в рот. Мясо буквально растаяло на языке, оставив после себя нежнейшее послевкусие. Оказывается, рыба может быть не только костлявой, сухой или тинистой — она могла быть и такой.

Лекарь, не замечая потрясения друга, с наслаждением принялся за второй кусок. Рыба, томленная в керамике, почти не отличалась от той, что он ел в своем мире.

«Всё-таки технологии — великая вещь», — подумал он, чувствуя полное умиротворение.

<http://bllate.org/book/15825/1435073>